

Дэйрон.

- Ты слышал новости из Утёса Кастерли?

- О новом сыне Тайвина? - спросил Дэйрон.

- Да, - ответил сир Гвейн Гонт, человек с копной темных волос на голове, добрыми карими глазами и кустистыми усами, нависавшими над маленьким улыбчивым ртом. Рыцарь был высок и плотно сложен, носил белые доспехи королевской гвардии и прикрепленный за спиной меч, рукоять которого виднелась над плечом.

Его часто ставили в охрану к Дэйрону. Впрочем, принцу нравился рыцарь и возражать не было причин. Сир Гвейн любил смеяться и не был таким хмурым или равнодушным, как некоторые королевские гвардейцы.

- Вас следовало наречь сиром Гвейном Сплетником, - шутил Дэйрон.

Гвейн на это усмехнулся.

- Ничего не могу с собой поделать, мой принц. Мне нравятся хорошие истории, - его усы подергивались. - А с Утеса доносится дивная история - они называют его чудовищем.

К сожалению, Дэйрон уже слышал эти истории. Он помнил, как обрадовался его отец, когда до Красного замка дошла весть об уродстве новорожденного сына Тайвина. Эйрис поспешил назвать это справедливым наказанием богов за высокомерие Десницы.

Принц не считал, что со стороны его отца было мудро или уместно так открыто высказываться в адрес лорда Тайвина, одного из самых богатых и могущественных лордов Семи Королевств, лорда Утеса Кастерли, и вообще собственного Десницы.

Однако, Дэйрон испытывал тихое облегчение от того, что новая история отвлекла гнев и злость отца от его матери, королевы Рейллы. Она приходила в себя после очередного мертворождения, которое заставило отца проклинать и криком выражать свое недовольство женой и королевой, а также дало ему возможность открыто подозревать ее в измене.

Дэйрону потребовалась вся его дисциплина, чтобы промолчать, когда отец озвучил это вслух в большом зале во время заседания. Скрепя сердце, принц сносил оскорбления в адрес любимой матери, вынужденный проявлять к ней неуважение.

Именно к ней он сейчас и направлялся. Мать приходила в себя после тяжелого испытания, и Дэйрон не хотел оставлять ее одну.

- Один моряк из Староместа слышал от купца из Ланниспорта, чей кузен - слуга в Утесе, что у

него есть хвост! - сплетни сира Гвейна вывели Дэйрона из задумчивости.

- Это звучит правдиво? - спросил юноша у рыцаря.

Тот нахмурился.

- Что вы имеете в виду, мой принц? - гвардеец почесал подбородок. - Для меня это звучит ужасно правдиво.

Они завернули за угол, где их встретила пара солдат в черных доспехах с эмблемой Таргариенов на груди. Стражи поклонились проходившему мимо Дэйрону, и он кивнул им в знак признательности, как учили, после чего продолжил свой путь к покоям матери.

- Ты не видел моего брата?

- Насколько я слышал, он был в библиотеке, мой принц.

- Ты не знаешь, видел ли он вообще королеву?

- Насколько мне известно, никто из охраняющих его людей не сообщал о том, что ваш брат ходил в ее покои.

Дэйрон откинул серебристые волосы, упавшие ему на лицо. При этом он старался не показать разочарования своим старшим братом, похоже, безразличным к здоровью их матери. Разве он не беспокоился? Заботился ли он вообще о ее благополучии?

"Нет, он был слишком занят чтением своих пыльных книг в библиотеке", - мысли принца отдавали горечью. - "Моего брата больше волнует то, что он находит в выцветших чернилах старых страниц, чем плоть и кровь окружающих его людей".

Завернув за последний угол, он увидел выходящего из покоев матери великого мастера Пицеля и сира Харлана Грандисона из королевской гвардии, обязанного охранять покои королевы. Оба мужчины быстро поклонились приближающемуся Дэйрону.

- Мой принц, - приветствовал его Харлан низким глубоким голосом. Рыцарь был невысок, всего на полголовы выше Дэйрона, еще не достигшего своего одиннадцатого дня именин, но он был коренастым и устрашающим, несмотря на покрытую сединой голову, а морщины, потихоньку расплывшиеся по его лицу, не могли скрыть воина.

- Сир Харлан, - с улыбкой ответил Дэйрон на приветствие. - Сердце радуется от мысли, что моя мать в этот час под твоей защитой.

- Вы оказываете мне честь, принц.

Дэйрон кивнул и повернулся к Великому мейстеру Пицелю, занимавшему этот пост уже более двадцати лет. Его белоснежные волосы давно поредели, борода того же цвета спадала на объемный живот, а глаза были полуприкрыты, как будто он только что проснулся. Одет же он был в мантию своего ордена, а более чем два десятка цепей, выкованных им Староместе, покрывали всю грудь старика.

- Я вам зачем-то понадобился, мой принц?

- Нет, - вежливо отказался Дэйрон. - Как поживает моя мать?.

- Королева поправляется, - провозгласил Пицель.

- Я хочу ее видеть.

- Она больна, мой принц.

Дэйрон Таргариен нахмурился.

- Я нужен ей.

- Ей нужен отдых, - возразил Пицель, поглаживая свою бороду. - Юным принцам не стоит спорить с теми, чьих знаний у них нет.

Дэйрон почувствовал мелькнувшую внутри досаду на ругань Великого Мейстера.

- Она моя мать, - настаивал принц. - А теперь отойдите в сторону и дайте мне пройти, - он сделал шаг навстречу, и, как и следовало ожидать, сир Гвейн и сир Харлан тоже повернулись к великому мейстеру.

Пицель мгновенно попятился, поняв, что он в меньшинстве и без союзников. Старик склонил голову, и отступил в сторону, давая принцу доступ в покои королевы.

- Спасибо, - Дэйрон даже не взглянул на мужчину. - Вы можете проследить, чтобы нас не прервали?

- Конечно, мой принц, - ответил сир Гвейн Гонт, встав напротив сира Харлана, открывшего перед Дэйроном дверь.